

УДК 94(=112.2)(470.44/.47)|1914/1917|

А. А. Герман

Саратовский государственный университет

«ВЕЛИКАЯ ВОЙНА» И НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ (1914–1917 гг.)

Освітлено життя поволзьких німців у роки Першої світової війни. Досліджено реакцію німців на війну, поступову трансформацію громадської думки щодо німецької меншини в регіоні: від позитивного до негативного, фактори, що визначали цю трансформацію, особливу увагу приділено військовій службі поволзьких німців на Російсько-турецькому фронті, розкрито причини, форми і наслідки дискримінації німців-військовослужбовців.

Ключові слова: Перша світова війна, поволзькі німці, благодійні акції, німці-фронтовики, нагородження, дискримінація німців.

Освещена жизнь поволжских немцев в годы Первой мировой войны. Исследована реакция немцев на войну, постепенную трансформацию общественного мнения в отношении немецкого меньшинства в регионе: от позитивного к негативному, факторы, определявшие эту трансформацию, особое внимание уделено военной службе поволжских немцев на Российско-турецком фронте, раскрываются причины, формы и последствия дискриминации военнослужащих немцев.

Ключевые слова: Первая мировая война, поволжские немцы, благотворительные акции, немцы-фронтовики, награждения, дискриминация немцев.

Der Beitrag ist dem Leben der Wolgadeutschen während des Ersten Weltkrieges gewidmet. Im Mittelpunkt stehen die Reaktion der Deutschen auf den Krieg, die allmähliche Transformation der öffentlichen Meinung, und zwar von der positiven zur negativen Wahrnehmung der deutschen Minderheit in der Region, die Faktoren, die diesen Umschwung bestimmten. Besonderes Augenmerk gilt dem Kriegsdienst der Wolgadeutschen an der russisch-türkischen Front sowie den Gründen, Formen und Folgen der Diskriminierung der deutschen Armeeingehörigen.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, Wolgadeutsche, Wohltätigkeitsaktionen, deutsche Frontkämpfer, Auszeichnungen, Diskriminierung der Deutschen.

The article is devoted to the life of Germans of the Povolzhye region during World War I. The contribution of Germans of the Povolzhye region in organization of charity for the sake of the army of the Russian empire is analyzed.

Transformation of public opinion about German population and its reasons are also studied. Special attention is given to 1915 when anti-German attitudes

became especially wide-spread, what resulted in pogroms against local Germans and their discrimination. Then campaigns for liquidation of large-scale property, for prohibition to use German language were held. The author notes that Povolzhye gubernias for a long time were free from discriminative politics towards Germans. The reasons of loyal attitude of local Russians towards local Germans are analyzed, as well as the transformation of local public opinion about Germans. The key period for these changes was year 1915. Special attention is given to military service of Germans of the Povolzhye region. The reasons, forms and consequences of Germans-military men discrimination are revealed. Exactly, from western fronts they were sent to Caucasus front, where often were treated as labour force. Per se they were put on the same footing as war prisoners, and it resulted in a fact that Germans yielded to Bolshevik agitation and more and more often deserted.

Despite all discriminations mentioned, Germans-military men fought honestly and courageously, and we find evidence of this fact in numerous certificates of awarding and promotions of Germans of the Povolzhye region. The special example is the promotion of German from the Povolzhye region, colonel I. A. Mihaelis.

Keywords: World War I, Germans of the Povolzhye region, charity actions, Germans-front-line soldiers, discrimination of Germans, rewards, reserve battalions, voluntary military forces, moral decay, growth of revolutionary mood.

Первая мировая война 1914 – 1918 гг. стала для российских немцев первым среди целой череды суровых испытаний, выпавших на их долю в XX в. Страна, гражданами которой они являлись, вступила в противоборство с их исторической родиной – Германией – и этот факт не мог не отразиться на их судьбе. В Поволжье, в Саратовской и Самарской губерниях, к 1914 г. проживало свыше 400 тыс. немцев, переселившихся сюда еще в 1760-е гг., насчитывалось более 200 немецких поселений [3, с. 12].

С началом войны во всех лютеранских и католических храмах были отслужены молебны о ниспослании победы русскому оружию. В немецкоязычных газетах печатались воззвания к немецкому населению о верном служении Царю и Отечеству, призывы заботится о семьях ушедших на фронт, раненых и убитых на войне [17, с. 181].

Поволжские немцы приняли активное участие в благотворительных акциях, направленных на помощь фронту, на организацию излечения раненых воинов. К 1 июня 1915 г. ими было пожертвовано для фронта свыше 100 тыс. рублей, собрано большое количество продовольствия, одежды и обуви [19, с. 26]. Немцы открыли и содержали на свои средства 7 довольно крупных лазаретов [2, с. 78–79]. В местной русскоязычной прессе сохранилось немало благодарных откликов на деятельность этих лазаретов.

Приведем лишь один из них: «Мы, раненые нижние чины, находившиеся на излечении в лазарете № 2, в доме Евангелическом, приносим глубокую признательность доктору Петру Карловичу Галлеру с супругой за их заботы и доброе отношение к нам. А также искренняя благодарность медицинскому персоналу, сёстрам милосердия и всем служащим за внимательно отношение и вообще за их труд. Каждый из нас будет долго вспоминать этот тёплый уголок. За всех, ротный к-р Николай Савин» [1, с. 5].

Однако патриотические действия немецкого населения Поволжья и других регионов России, особенно после первых неудач русских войск на фронте, не могли помешать быстрому развитию в российском обществе антинемецких настроений. Особо широкий размах они приобрела в 1915 г., переходя в ряде случаев в откровенную антинемецкую истерию.

27–29 мая 1915 г. в Москве произошёл антинемецкий погром. Было разгромлено 759 торговых заведений и квартир, причинён ущерб в размере 29 млн руб. золотом, **три немца было убито и 40 ранено**. В Петербурге громили квартиры и конторы учреждений, принадлежавших немцам. Новейшее оборудование в типографии издательства И. Н. Кнебеля, позволявшее издавать книги на высочайшем художественном и полиграфическом уровне, было сброшено со второго этажа на улицу и разбито. Пострадали мастерские художников, особенно Я. Я. Вебера, у которого были похищены все произведения. Погромы прошли в Нижнем Новгороде, Астрахани, Одессе, Екатеринославе и некоторых других городах. В сельской местности нередкими стали самовольные захваты, грабежи и поджоги собственности колонистов. Психологическое давление, моральный, а порой и физический, террор заставлял многих немцев, в том числе и занимавших высокое положение в обществе, менять свои фамилии на русские. Так, военный губернатор Семиреченской области М. Фельдбаум сменил свою фамилию на русскую – Соколово-Соколинский [4, с. 224–225].

Продолжением антинемецкой кампании стал ряд мер по ликвидации крупного имущества российских немцев (земельных владений, предприятий и т.д.), переименование населенных пунктов, имевших немецкие названия (первым шагом стало переименование Санкт-Петербурга в Петроград), запреты на использование немецкого языка и др. [Подробнее см.: 13, с. 555–633]. Военным командованием западных фронтов, противостоявших Германии и Австро-Венгрии была проведена депортация немецкого населения пригра-

ничных губерний (практически со всей территории западнее Днепра) [12, с. 265–279].

Исключением на этом мрачном фоне довольно долгое время оставались поволжские губернии, населенные немцами (Саратовская и Самарская). Более чем полуторовековое совместное проживание русских и немцев, других народов сформировали толерантные взаимоотношения между ними, на которые какое-то время не могла повлиять даже антинемецкая кампания. В Саратове не было погромов. Дважды, в 1914 и 1915 гг. часть домовладельцев и гласных городской думы при содействии саратовского губернатора ставила вопрос о переименовании Немецкой улицы – одной из главных улиц Саратова (ныне – проспект им. С. М. Кирова). Однако, оба раза эти предложения городской думой отклонялись. Официально Немецкая улица сменила свое название лишь в 1917 г. [9, с. 3].

6 февраля 1917 г. законы о ликвидации немецкого землевладения в России распространяются на поволжских немцев, на весну планируется их депортация. Это решение встречает неоднозначную реакцию местного ненемецкого населения. 23 февраля 1917 г. на общем собрании членов городских дум, биржевых комитетов и земств Саратова и Покровска его участники выразили свой протест и солидарность с немецким населением региона. В принятом решении, в частности, говорилось: «Живущие среди нас немцы-колонисты – суть такие же русские граждане, как и мы. В нашем краю колонисты являются незаменимыми сельскими хозяевами. Мы обязаны настойчиво, определенно заявить, что ликвидация немецких земель... является мерой губительной как для самих колонистов, так и для всего края. Она окажется чувствительной и для всей России» [15, с. 303].

И все же, со временем, антинемецкие настроения распространились и в Поволжье. В июле 1915 г. газета «Новое время» обвинила саратовских немцев в пособничестве Германии, в частности, мукомолу Э. И. Борелю ставилось в вину то, что незадолго до захвата Либавы германскими войсками он отправил туда «громадные запасы хлеба для неизвестных целей». Хлеб этот, якобы, не продавался и полностью достался неприятелю. **Проведенная по указанию правительства жандармская проверка не подтвердила эти обвинения [5. – Ф. 3, оп. 1, 1915, д. 48, л. 63–65; 17–176; оп. 8. 1915, д. 7, л. 33–35]. В прогерманских симпатиях и прямом шпионстве обвинялся католический епископ И. А. Кесслер [10, с. 171].**

Развивалась травля местных чиновников-немцев. Их вынуждали покидать свои посты. Большую роль в хозяйственной жизни Сарато-

ва в период войны играл К. Н. Гримм – Уполномоченный Министерства земледелия по закупке хлеба для армии в Саратовской губернии и Уральской области. В 1915 г. местная пресса не сомневалась в его патриотических настроениях, приводя его речь на заседании Государственного совета [7, с. 2]. Но в 1916 г. отношение к нему меняется на противоположное: он называется прямым виновником повышения цен на хлеб, сообщается об его отставке [14, с. 2].

Первая мировая война принесла ранее не имевшую прецедента тотальную мобилизацию немцев Поволжья на военную службу не только в вооружённые силы, но и в государственное ополчение. Всего за годы войны было мобилизовано свыше 50 тыс. человек, – это почти все мужское немецкое население призывного возраста [18, с. 35]¹. В то же время царившие в стране антинемецкие настроения, подозрительность, глубоко пустившие корни в российском руководстве и военном командовании, привели к тому, что практически все немцы-призывники подвергались унижительной дискриминации.

Уже с осени 1914 г. их прекратили посылать на западные фронты. В соответствии с распоряжением Мобилизационного отдела Главного управления Генштаба от 22-го октября 1914 г., начальнику штаба Казанского военного округа предписывалось: «...всех немецко-колонистов не высылать с ротами на западный фронт, а отправлять Вашим распоряжением по соглашению с начальником штаба Кавказского военного округа в запасные батальоны Кавказа» [16. – Ф. 1720, оп. 3, д. 225, л. 2].

Тех же, кто попал на западные фронты ранее, изымали и организованным порядком направляли на Кавказский фронт. Всего в течение 1914 – 1915 гг. с западных фронтов на Кавказский было переправлено свыше 17 тыс. немцев-военнослужащих [16. – Ф. 1720, оп. 3, д. 225, л. 1].

После того, как немецкое население, проживавшее в западных губерниях России, было объявлено «неприятельским» и началась его депортация в восточные районы страны, призыв на военную службу немцев этой категории практически прекратился. В дальнейшем призыв на военную службу немцев осуществлялся главным образом из Поволжья и Сибири. Все призывники, за редким исключением, также оказались на Кавказском фронте. Но даже там российским немцам оружие, как правило, не доверяли. «Главкомандующий не признал желательным назначать немцев для обслуживания тыловых

¹ Подсчет сделан И. Шульгой.

учреждений и возможным вливать их в части войск других родов оружия, желая избавить эти части от лишних пытливых, зорких глаз людей хотя и русскоподданных, но немцев по духу», – отмечалось в одном из донесений [16. – Ф. 2100, оп. 2, д. 280, л. 3].

В боевые части было направлено всего около 4 тыс. немцев, главным образом, в пехоту, по 10 чел. в каждую роту (в среднем – 5 % численности роты), распределив их там ещё и по разным взводам и отделениям [16. – Ф. 2100, оп. 2, д. 280, л. 1–2]. Прощения некоторых командиров об увеличении в ротах числа немцев до 15 чел. Главнокомандующим были «категорично отклонены» [11, с. 282]². Часть военнослужащих-немцев была прикомандирована к казачьим войскам: по 15 чел. к кавалерийским и по 25 чел. к пластунским и пешим сотням. Этим немцев казаки использовали как рабочую силу при оборудовании биваков и позиций. Однако казачьи атаманы неоднократно выражали сомнения по поводу целесообразности использования немцев-колонистов в качестве подмоги для казаков. Они отмечали резко враждебное отношение казаков к ним и опасались самочинных расправ казаков над немцами. Отдельные такие факты, к сожалению, имели место [16. – Ф. 2100, оп. 2, д. 280, л. 6].

Между тем, как становится ясно из документов наградного отделения штаба Кавказской отдельной армии, опасения командования по «немецкому вопросу» были в подавляющем большинстве случаев беспочвенны. Оказавшиеся в боевых частях немцы-военнослужащие воевали честно и мужественно. В доказательство приведем лишь несколько примеров:

1. Список из 124 фамилий нижних чинов 1-го Кавказского сапёрного батальона, награждённых главнокомандующим Кавказской армией Великим князем Николаем Николаевичем младшим за боевые отличия в период Эрзерумской операции, где среди прочих награждены Георгиевским крестом 4-й степени: младший унтер-офицер Карл Вебер; младший унтер-офицер Рудольф Келлер; сапёр 5-й роты Густав Борман; сапёр 3-й роты Карл Кренц; сапёр 3-й роты Лейзер Зейгер и др.

2. Приказ о награждении (Георгиевский Статут ст. 67. п. 7.) ефрейтора 153-го Кубинского пехотного полка Эрентраута Фридри-

² По мнению Д. Г. Мартиросяна это было связано с тем, что батальоны и полки Кавказского фронта изначально имели высокий процент (около 40) представителей неславянских народов России. Опасаясь утраты боеспособности этих частей, Ставка, по-видимому, решила воздержаться от нарушения сложившегося баланса в сторону уменьшения доли солдат-славян.

ха Фридриховича, в качестве основания указано: «... 30 декабря 1915 года под Азап-Кеем за убылью всех унтер-офицеров взвода принял командование взводом. При переходе турок в контратаку он под ураганным огнём артиллерийским, пулемётным и ружейным удерживал занятую позицию и умелым управлением огня отразил контратаку...».

3. Наградной лист (Георгиевский Статут ст. 67. п. 6.) на старшего унтер-офицера 155-го Кубинского пехотного полка Кремера Эдуарда Йогановича, который «... в бою 30 декабря 1915 года, командуя взводом, выбил противника из укрепленного места способствуя этим занятию кольцевого окопа у сел. Азапкей...» [11, с. 284–285].

Лишь небольшому количеству поволжских немцев удалось избежать дискриминации на военной службе в годы войны. Как правило, они были офицерами. Так, например, сын колониста из Саратовской губернии прапорщик Г. М. Зиферт в годы войны был артиллеристом, за свои боевые заслуги был награжден орденами; Св. Станислава 2-й степени, с мечами, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени, в феврале 1917 г. произведен в поручики [18, с. 45].

Особо следует отметить немца из Поволжья полковника И. А. Михаэлиса, ветерана Русско-японской войны, командовавшего 15-м Сибирским стрелковым полком. В мае 1915 г. он был произведен в генерал-майоры, за годы войны получил 4 высоких ордена. Дослужился до начальника штаба армейского корпуса. К сожалению, в январе 1917 г. скончался на фронте от сердечной недостаточности [8, с. 327].

И все же основная масса немцев на Кавказском фронте проходила службу в запасных и ополченческих бригадах, а также в ополченческих рабочих ротах, находившихся в распоряжении Начальника военных сообщений и окружного интенданта.

В ходе наступления, по мере продвижения вглубь турецкой территории, командование Кавказской армии всё большее внимание вынуждено было уделять восстановлению разрушенной в боях инфраструктуры: дорогам, мостам, портам, станциям, инженерным укреплениям, крепостям и т. п. Основная тяжесть по выполнению этих работ ложилась на запасные батальоны и рабочие ополченческие команды, в которых значительную часть личного состава составляли немцы. Масштаб работ оказался столь внушителен, что имевшихся в распоряжении командования рабочих рук не хватало, поэтому по решению военного министерства на Кавказский фронт была произведена дополнительная отправка этнических немцев из запасных пол-

ков Казанского и Омского военного округов [16. – Ф. 2100, оп. 2, д. 280, л. 42].

Все вновь поступившие военнослужащие-немцы (свыше 8 тыс. чел.) были поделены на три группы. Первая (около 3 тыс. чел.) поступила в распоряжение начальника Кавказского округа путей сообщения генерала-лейтенанта Я. А. Порошина, в качестве рабочих для 6-й дружины Земгора на ремонт Сарыкамьшского шоссе. Еще одна группа (около 2,5 тыс. чел.) была передана в подчинение начальника Трапезундского укрепрайона генерал-майора А. В. Шварца. Остальных немцев направили на строительство укреплений Эрзерумской крепости. Еще раньше по этим же группам были распределены немцы, уже находившиеся в тыловых частях фронта. На всех этих работах российские немцы использовались совместно с турецкими военнопленными, что вызывало их обиду, протест и возмущение.

Дискриминация призывников-немцев, фактическое приравнивание их к военнопленным вызывало ответную реакцию. Ранее всегда стремившиеся к законопослушанию, немцы стали легко поддаваться на большевистскую агитацию, быстро революционизироваться. После Февральской революции процесс революционизации и разложения в среде немцев-военнослужащих принял особенно широкий характер. Росло их дезертирство с фронта [6. – Ф. Р-849, оп. 1, д. 931, л. 94]³.

Немцы-фронтовики привозили с собой домой винтовки, наганы, патроны, гранаты, другие виды оружия и боеприпасов. Именно они становились в немецких селах опорой большевиков: создавали Советы, формировали Красную гвардию, взламывали традиционный образ жизни колонистов [20, с. 160–166].

Библиографические ссылки

1. Благодарность // Саратовский листок. – 1915. – № 1. – С. 5.
2. *Воронезцев А. В.* Немецкие колонисты Поволжья в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) / *А. В. Воронезцев* // Немцы России: Социально-экономическое и духовное развитие. 1871 – 1941 гг. – М., 2002.

³ Уроженец с. Гримм Саратовской губернии Я. К. Леонгарт позднее вспоминал: «... с группой в 200 человек оставили свою часть и организованно направились в Россию. Прибыли в Сарыкамьш, где еще царствовала корниловщина... сумели поднять все части и покончить со всей сворой. В январе 1918 г. с организованной группой ушел из Сарыкамьша домой в родное село...».

3. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. / А. А. Герман. – М. : МСНК-пресс, 1997.
4. Герман А. А. История немцев России / А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плеве. – М., 2005.
5. Государственный архив Саратовской области (ГАСО).
6. Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе.
7. Государственный Совет // Саратовский листок. 1915. 22 июля. – № 157. – С. 2.
8. История Саратовского края / под ред. В. П. Тотфалушина. – Саратов, 1996.
9. К переименованию Немецкой улицы // Саратовский листок. – 1915. – 10 января. № 7. – С. 3.
10. Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение / О. А. Лиценбергер. – Саратов, 2001.
11. Мартиросян Д. Г. Российские немцы на Кавказском фронте Первой мировой войны / Д. Г. Мартиросян // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния толерантности. – М., 2005.
12. Нелипович С. Г. Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы первой мировой войны (1914–1917) / С. Г. Нелипович // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения. – М. : Готика, 1996.
13. Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 / сост. В. Ф. Дизендорф. – М. : МФД: Материк, 2006.
14. Обывательская беспомощность // Саратовский листок. – 1916. – 5 января. № 3. – С. 2.
15. Очерки истории Саратовского Поволжья. – Т. 2. – Ч. 2. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1999.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1720, оп. 3, д. 225, л. 2.
17. Тотфалушин В. П. «Русские» немцы и немецкий вопрос в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) / В. П. Тотфалушин // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV–VI чтений. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994.
18. Шульга И. И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах / И. И. Шульга. – М. : МСНК-пресс, 2008.
19. Юстус К. Ф. Приволжские колонисты (По поводу закона 2 февраля 1915 г.) / К. Ф. Юстус. – Саратов, 1917.
20. Hermann Arkadij. Wie die Arbeitskommune (das Autonome Gebiet) der Wolgadeutschen gegruendet wurde / А. Hermann // Die Russlanddeutschen Gestern und heute.– Koeln : MarkusVerlag, 1992. – S. 160–166.

Надійшла до редколегії 16.06.2014